

ЭКРАН — 1965-го...

Двойной — арт. Е. Борисенков. Фильм «Первый учитель» (студия Центрального Сценария Ч. Айтматова, В. Добролюбова, промстудии А. Михалкова-Кончаловского). Режиссер-постановщик А. Михалков-Кончаловский.

В. Четвериков, А. Потапов, Г. Польский в фильме «Верность». Авторы сценария — Б. Онуфриев, П. Тодоровский. Режиссер-постановщик — П. Тодоровский.

«Фантазеры» (Центральная киностудия детских и юношеских фильмов НИИ М. Горького). Сценарий Н. Носова, режиссер-постановщик — И. Магитон.

Лейла Кильман и Гела Чичинадзе в настенной студии «Грузинского фильма» «Я вижу солнце». Режиссер-постановщик Я. Гогоберидзе.

Веслава ЛУБКОВСКАЯ

Веслава Lubkowska — известная польская писательница-сатирик. Ее рассказы и фельетоны систематически публикуются в выходящих в Польше журналах, и сборники Советского Союза «Польские публикации известных польских юмористических рассказов», печатавшихся в «Крониделе».

Два рассказа писательницы, которые мы предлагаем нашим читателям, написаны специально для «Советской культуры».

БОЛЬШЕ ИСКУССТВО

Я ПОЗНАКОМИЛАСЬ с ним в какой-то компании случайно.

— Это кто? — неизменно спрашивала я и здравомыслием.

— Ты не знаешь? Это же тот самый, великий — ну, как его. Такое известство имея, она посмотрела на меня с неудовольствием. — Это —

— Так сразу и сказала бы, я с достоинством выпрямилась. Имя абсолютно никого мне не говорило, но я любила получать полную мне информацию.

— Можно узнать, над чем вы сейчас работаете? — обратилась я к недюжинному представителю человеческой мысли. — Ваш последнее про изведение действительно великолепно.

Он смерил меня холодным взглядом. — Вы читали или слышали? — делови-

то спросил он. Меня бросило в жар.

— И то, и другое, разумеется. О вас столько говорят, маestro!

— Я спрашивала, так как не знаю, о ком вы говорите: о моей песне или о рассказе, напечатанном в «Мысли молодых». А, может быть, вы имеете в виду картины, которые можно было увидеть на выставке Молодой Поросли Талантов?

На этот раз я не нашлась, что ответить. С таким восторженным выражением вдохновения я попыталась сразить его иронией, но он этого даже не заметил.

— А вы сами? — спросила я коварно. — Что предпочтете вы? Какую область своего творчества?

Он немного покраснел.

— Сейчас прямая расчет писать песни. Что люблю самое, — я одновременно пишу слова, и мое искусство!

— Это, вероятно, очень трудно...

Он беспечно по жал плечами.

— Само творчество — это пустяки, трудные обстоятельства.

Понимаете, необходимо убедить покупателя в том, что песня им действительно нравится.

— И как это удается? — продолжала я восхищенно.

— Как когда. В последние времена людям понравилось петь. Был период — подавай только картины. Тогда я рисовал.

— И хорошо получалось? — я не могла принять в себя от удивления.

— По-разному, смотря какая картина. Но, пожалуй, рассказы — позывные. Вы не поверите, на одну тему мне удалось написать семь-восемь штук.

— Вы, вероятно, работали торговлей — попытала срезать его иронией, но он этого даже не заметил.

— Я только жалкий ребячок с большой бухты, — сказал он скромно и закинул дорогую сигарету. От злости в подсочке на столе.

— Искусство! — воскликнул я с настойчивостью, — будто то, что вы делаете, — искуство!

— Я сказала «искусство», — поправил он.

— Ничто. Неизвестное. Каждый может

понимать, как хочет. — Он не понимает? — Я тихонько прищурилась, устремив взгляд в окно.

— Расскажите, еще! — приставила меня Габердаша. — Ну, что об одном, прошу вас!

Высокий оказался человеком, поклонистом.

— Хорошо, — сказал он. — Итак, из двух. Он и она, разумеется. Они сидят в подиуме и ждут.

— Чего? — бестактно вылез Незабудка.

— Кого? — поправила жена Габердаша.

Высокий поклонился.

— Этого я не знаю, — объяснила он.

Каждый может интерпретировать по-своему. Да, чуть не забыл: подиум лежит на волнах, а горючина плоть характер.

— Кошмар!

— Я здорово жалела жену Габердаша. — Тот есть в зале, — сказала он скромно и закинул дорогую сигарету. От злости в подсочке на столе.

— Обнак — обрадовалась жена Габердаша.

— Бараний — лапунд Незабудка.

Высокий отрицательно покачал головой.

— Я сказала «искусство», — прошептала она чуть спешно.

— «Палец в ухо», —

я поплыла-серый «Московский новинщик» образа.

— А дома у меня есть юношеские ходячие магнитофоны и разные другие мелочи... — сказала он как бы мимо профилем.

Подумав, я решила, что он прав. Это, действительно, было большое искусство.

— И как это удается? — продолжала я восхищенно.

— Как когда. В последние времена людям понравилось петь. Был период — подавай только картины. Тогда я рисовал.

— И хорошо получалось? — я не могла принять в себя от удивления.

— По-разному, смотря какая картина. Но, пожалуй, рассказы — позывные.

Высокий оказался человеком, поклонистом.

— Этого я не знаю, — объяснила он.

Каждый может интерпретировать по-своему. Да, чуть не забыл: подиум лежит на волнах, а горючина плоть характер.

— Я здорово жалела жену Габердаша. — Тот есть в зале, — сказала он скромно и закинул дорогую сигарету. От злости в подсочке на столе.

— Обнак — обрадовалась жена Габердаша.

— Бараний — лапунд Незабудка.

Высокий отрицательно покачал головой.

— Я сказала «искусство», — прошептала она чуть спешно.

— «Палец в ухо», —

я поплыла-серый «Московский новинщик» образа.

— А дома у меня есть юношеские ходячие магнитофоны и разные другие мелочи... — сказала он как бы мимо профилем.

Подумав, я решила, что он прав. Это, действительно, было большое искусство.

— И как это удается? — продолжала я восхищенно.

— Как когда. В последние времена людям понравилось петь. Был период — подавай только картины. Тогда я рисовал.

— И хорошо получалось? — я не могла принять в себя от удивления.

— По-разному, смотря какая картина. Но, пожалуй, рассказы — позывные.

Высокий оказался человеком, поклонистом.

— Этого я не знаю, — объяснила он.

Каждый может интерпретировать по-своему. Да, чуть не забыл: подиум лежит на волнах, а горючина плоть характер.

— Я здорово жалела жену Габердаша. — Тот есть в зале, — сказала он скромно и закинул дорогую сигарету. От злости в подсочке на столе.

— Обнак — обрадовалась жена Габердаша.

— Бараний — лапунд Незабудка.

Высокий отрицательно покачал головой.

— Я сказала «искусство», — прошептала она чуть спешно.

— «Палец в ухо», —

я поплыла-серый «Московский новинщик» образа.

— А дома у меня есть юношеские ходячие магнитофоны и разные другие мелочи... — сказала он как бы мимо профилем.

Подумав, я решила, что он прав. Это, действительно, было большое искусство.

— И как это удается? — продолжала я восхищенно.

— Как когда. В последние времена людям понравилось петь. Был период — подавай только картины. Тогда я рисовал.

— И хорошо получалось? — я не могла принять в себя от удивления.

— По-разному, смотря какая картина. Но, пожалуй, рассказы — позывные.

Высокий оказался человеком, поклонистом.

— Этого я не знаю, — объяснила он.

Каждый может интерпретировать по-своему. Да, чуть не забыл: подиум лежит на волнах, а горючина плоть характер.

— Я здорово жалела жену Габердаша. — Тот есть в зале, — сказала он скромно и закинул дорогую сигарету. От злости в подсочке на столе.

— Обнак — обрадовалась жена Габердаша.

— Бараний — лапунд Незабудка.

Высокий отрицательно покачал головой.

— Я сказала «искусство», — прошептала она чуть спешно.

— «Палец в ухо», —

я поплыла-серый «Московский новинщик» образа.

— А дома у меня есть юношеские ходячие магнитофоны и разные другие мелочи... — сказала он как бы мимо профилем.

Подумав, я решила, что он прав. Это, действительно, было большое искусство.

— И как это удается? — продолжала я восхищенно.

— Как когда. В последние времена людям понравилось петь. Был период — подавай только картины. Тогда я рисовал.

— И хорошо получалось? — я не могла принять в себя от удивления.

— По-разному, смотря какая картина. Но, пожалуй, рассказы — позывные.

Высокий оказался человеком, поклонистом.

— Этого я не знаю, — объяснила он.

Каждый может интерпретировать по-своему. Да, чуть не забыл: подиум лежит на волнах, а горючина плоть характер.

— Я здорово жалела жену Габердаша. — Тот есть в зале, — сказала он скромно и закинул дорогую сигарету. От злости в подсочке на столе.

— Обнак — обрадовалась жена Габердаша.

— Бараний — лапунд Незабудка.

Высокий отрицательно покачал головой.

— Я сказала «искусство», — прошептала она чуть спешно.

— «Палец в ухо», —

я поплыла-серый «Московский новинщик» образа.

— А дома у меня есть юношеские ходячие магнитофоны и разные другие мелочи... — сказала он как бы мимо профилем.

Подумав, я решила, что он прав. Это, действительно, было большое искусство.

— И как это удается? — продолжала я восхищенно.

— Как когда. В последние времена людям понравилось петь. Был период — подавай только картины. Тогда я рисовал.

— И хорошо получалось? — я не могла принять в себя от удивления.

— По-разному, смотря какая картина. Но, пожалуй, рассказы — позывные.

Высокий оказался человеком, поклонистом.

— Этого я не знаю, — объяснила он.

ЗА ЧТО УБИЛИ МАРЛО?

</